

Янина Береснева

ЛЮБИМЫЕ ВНЕ ЗАКОНА

Детективные
истории

Янина Береснева
Любимые вне закона

«Автор»

2023

Береснева Я. О.

Любимые вне закона / Я. О. Береснева — «Автор», 2023

Любимые вне закона... Эта фраза может служить эпиграфом к истории, что случилась с Тиной. Она — современная девушка, живет здесь и сейчас. Однако есть немало тайн, связанных с прошлым. Тина без особого энтузиазма воспринимает семейный бизнес, в который пытаются вовлечь ее отец и брат. Интерес к жизни у нее рождается, когда появилась надежда разгадать тайну смерти подруги Жанны. Тине помогает ее новый знакомый Макс. Он еще не знает, что девушка умеет различать запах лжи и запах опасности... Авантюрный детектив наполнен непредсказуемыми сюжетными поворотами: сильная героиня пытается докопаться до истины, опасные связи, горячая любовная линия, рискованные приключения... И однажды что-то может толкнуть человека одновременно и на подвиг, и на преступление...

© Береснева Я. О., 2023

© Автор, 2023

Янина Береснева

Любимые вне закона

*Верное зелени дерево
Дарит и дарит листву.
И так продолжается вечность...*
Лучия Олтяну

Пролог

Первым, что бросилось в глаза, была какая-то неестественно белая, словно фарфоровая, рука. Я машинально дернула шторку в ванной и снова перевела взгляд на кисть с красным маникюром. Именно такой маникюр был вчера у Жанны. Уже зная, что увижу, я страшно закричала, одновременно пытаюсь зажать рот рукой.

Я видела все своими глазами, словно в замедленной съемке. Она лежала в ванне ровно посередине, голая и похожая на резиновую куклу. Ее поза была так безжизненна, что не оставалось сомнений – Жанна мертва. Живой человек не выглядит так страшно. Но на теле не было видимых повреждений, ран. Иначе вода была бы красной от крови...

Поверить в то, что Жанны, красивой, веселой и деятельной, больше нет, я не могла. Быстро отвернулась, потому что боялась еще раз увидеть ее безжизненное лицо.

И тут же почувствовала запах свежескошенной травы. Закрыла глаза и будто получила удар в левый висок: «Беги!»

Беспомощно моргая, я села на унитаз, потому что удержаться на ногах не смогла. Как? Я не в силах была в это поверить. Она не могла просто взять и утонуть, не было ни одной причины... Стало плохо? Сердце? Но я довольно давно знала свою подругу и не сомневалась, что та физически здорова...

Наконец в голову пришла хоть одна здравая мысль: вызвать скорую, полицию или хоть кого-то. Забыв про мобильный, я тут же поднялась, выбежала из квартиры и зачем-то стала стучать в соседские двери. Почти сразу из квартиры напротив на мой крик вышла молодая женщина в подпоясанном халате. Я заметила, что пояс на ней был от другой одежды, и это врезалось в память. В такие моменты в голову почему-то лезет всякая дрянь. Кажется, та же соседка потом вызвала скорую и пыталась напоить меня валерьянкой.

Глава 1. Сумерки сгущаются

За два дня до трагедии...

У каждого из нас своя пора осенних ливней. Моя закончилась совсем недавно. Ушла в ноябре, а вместе с ней и драма года. Будто упала на пол вместе с листьями фундука из родительского сада. Вы видели, как опадает фундук? Очень уныло и грязно. Наверное, это самое грустное и удручающее дерево в ноябре.

Я вышла из такси возле круглосуточного супермаркета, резко запахнув пальто. Втянула носом холодный осенний воздух и мгновенно уткнулась в любимый кашемировый шарф.

Ноябрь в этом году выдался по-зимнему холодный, серый и неприветливый. Сумерки уже сгустились, еще усилив дневной морозчик, но на это раз я была даже рада этим свежим порывам ветра. Они словно охладили мою голову, слегка гудящую от насыщенного событиями дня. Потрепали волосы и спутали их у лица.

На какой-то момент я перестала четко видеть проезжую часть, а проносившиеся мимо машины превратились лишь в яркие пятна, торопливо снующие друг за другом в каком-то пугающем круговороте.

Я провела рукой по волосам, словно отгоняя от себя странные мысли, и еще немного постояла на островке безопасности. Забавно, но именно среди машин, окруженная куда-то спешащими людьми, высотными зданиями, истошно сигнализирующими таксистами, я на какой-то момент почувствовала себя спокойно.

Так спокойно я давно не чувствовала себя ни в своей квартире, ни дома у родителей, ни на работе. Просто стоять и не думать ни о чем. Молчать.

Честно говоря, к концу осени нервы мои были истрепаны. Город, уже украшенный к новогодним праздникам, впервые вызывал не радостное «у-и-и-и», а глухое раздражение. В этом году я, пожалуй, присоединюсь к лагерю тех, кто морщит нос и недовольно ворчит: «На дворе еще ноябрь, а они уже елок понатыкали...».

Все вокруг словно одномоментно поломалось и больше не ладилось. Я молчу про свои проблемы, их у меня всегда выше крыши. Сейчас даже дела у папы на работе были не очень. А мне до этого какое дело? Я никогда не была особо привязана к родительскому бизнесу, хотя тоже трудилась в нашей компании по разработке программного обеспечения.

Но последний год все настолько ухудшилось, что отец стал подозревать своего зама в шпионаже и сливе информации. Зная характер моего бесконфликтного отца, можно было представить, до какой точки кипения он был доведен. Постоянно висевший в воздухе вопрос буквально лишил сна не только папу, но и всех, кто был причастен к их работе. Выгодные сделки срывались, партнеры внезапно отказывались с нами работать, крупные заказы уходили на сторону.

«Тотальная непруха», как сказал бы мой брат Ден, который переживал из-за этого не меньше родителей. Хотя как раз отдел инноваций, который он возглавлял, работал без перебоев. На их разработках, пожалуй, и держалось нынешнее относительное благосостояние. Относительное в том смысле, что раньше деньги текли рекой, а сейчас сочились струйкой.

Хотя, на мой взгляд, денег нашей семье при разумном расходовании и так хватало бы лет на пятьдесят. Так что повода горевать я не видела. Но это, как сказал бы мудрый отец, «инфантильный взгляд на жизнь».

Предаваясь думам, далеким от тех, что должны посещать голову красивой молодой девушки в 25 лет, я дошла до своего подъезда. Точнее, в моем таунхаусе и был только один подъезд. Дом целиком и полностью принадлежал мне.

В свое время отец выкупил две квартиры в тихом районе города, объединив их в хитро-сплетенную конструкцию. Ужас, но у меня даже был цокольный этаж с гаражом, небольшая сауна и библиотека. Но я там практически не бывала, предпочитая проводить время в гостиной у телевизора.

Остальное пространство дома отдавало гулкой пустотой, а любое произнесенное слово расходилось эхом по всем комнатам, заставляя вздрагивать. Моя спальня на втором этаже – единственная комната, к обстановке которой я приложила руку, обставив ее на свой вкус: балки на потолке, много дерева и белые крашенные стены. Одну я собственноручно расписала стихами Пабло Неруда к ужасу родителей.

Остальное великолепие было делом рук нанятых папой дизайнеров, поэтому в моем жилище можно было встретить важную люстру в стиле какого-то там Людовика, холодный мрамор, лепнину и даже диковинные, стоящие, наверное, целое состояние, витражи.

В общем, если бы деньги могли сделать человека счастливым, я бы уже непременно была дико счастлива. К сожалению, когда ты молода, красива и не обременена материальными вопросами, быть счастливым почему-то сложно. И даже вроде как-то неприлично. Кстати,

словно компенсируя материальное изобилие и симпатичную мордашку, высшее мироздание подкинуло мне скверный характер и пытливый ум.

Развитию моих «пороков» всячески способствовали родители и финансовое благополучие семьи, и со времен детства этот ум значительно окреп и привык находить ответы даже на те вопросы, которые никто не задавал.

Привычка размышлять и анализировать с годами трансформировалась в привычку констатировать и обобщать, и к своим годам я бы охарактеризовала мой характер как в меру стержовый, инфантильный, эгоцентричный, но вместе с тем сильный, волевой и непримиримый. А брат однажды поделился со мной своим ценным наблюдением, коих у него всегда было великое множество:

– Тина, не ковыряйся в себе, твой характер не плохой и не хороший. Он просто у тебя есть. Запомни это. Да, существуют люди, у которых нет характера. Амебы, бесхребетные. И это не плохо, просто факт. А ты сильная. Ты личность. Но если немного пережмешь и вовремя не выйдешь замуж, станешь стервой. А это уже не очень хорошо. Мужчины не любят стерв, хотя и бахвалятся этим. Они их боятся до одури, потому что стерва непредсказуема, как дикий кабан.

Когда я сообщила родителям, что хочу начать жить одна, папа, которого я редко видела в гневе, накричал на меня. Конечно же, он думал, что в большом трехэтажном особняке, выстроенном им для нашей семьи, вскоре появятся многочисленные внуки, и жизнь заиграет новыми красками. Но ни я, ни старший брат не спешили обзаводиться семьей и оправдывать возложенные на нас надежды.

Ден съехал от родителей, когда мне было еще шестнадцать. Отпраздновав свой двадцать один год, он как раз начал встречаться с новой девушкой и, естественно, захотел жить отдельно. В семье его затею не поддержали, и отец даже пробовал лишить его карманных денег, но Ден назло предкам пошел работать официантом. Мама поплакала, а папе пришлось капитулировать. Конечно же, сын Никифорова не мог работать официантом. Это был бы удар по папиной репутации из разряда: «А что скажут люди?»

Лично мне это казалось смешным и не стоящим внимания фактом: какая кому разница, где и кто работает? Однако папа, воспитанный на идеалах Советского Союза, не мог допустить, чтобы о его семье судачили. С легкой маминой руки он тут же купил Дену отличную двухуровневую квартиру в центре, а также стал понемногу приобщать этого прожигателя жизни к семейному бизнесу.

Денис к тому времени благополучно расстался уже не с одной девушкой, отучился на программиста, даже пару лет провел в Англии, где тоже учился и стажировался в крупных компаниях. Мама, помнится, думала, что он уже не захочет возвращаться назад, и я была с ней солидарна. На тот момент мне казалось, что свалить от предков в Англию – это предел мечтаний. Но брат вернулся и возглавил ведущий отдел фирмы, был на отличном счету и в целом радовал родителей. В отличие от меня.

Училась я ни шатко ни валко. В основном потому, что не знала, чего хочу от жизни. Когда-то я мечтала стать актрисой и даже назло всем поступила в институт культуры. Через два года охладела к этой затее, потому что поняла: играть красавиц и принцесс скучно, а на большее моего таланта, видимо, не хватало.

Вняв мольбам отца, я все-таки заочно отучилась на экономиста и теперь числилась в нашей фирме ведущим менеджером. Название моей должности весьма расплывчато указывало на весьма расплывчатые обязанности, которые доводилось исполнять. Мне кажется, основным папиным условием было, чтобы я «дурью не маялась», а занималась чем-то общественно полезным.

Словно прочитав мои мысли, папа решил обозначиться телефонной трелью в моей сумочке.

– Ты уже дома? – заботливо поинтересовался он, что-то жуя на фоне, и тут же пояснил: – Мама приготовила изумительное мясо по-французски и солянку. Может, приедешь?

– Папуль, давай в другой раз, я устала. Честно. Зато вашего заграничного партнера устроили в гостинице по высшему классу, мы с ним обсудили некоторые ключевые моменты по контракту. Он выдал мне целую папку документов для изучения, так что извини. Буду грызть гранит работы, раз уж гранит науки в свое время недогрызла...

– Брось, ты прекрасно справляешься. Ни у кого язык не повернется сказать, что я взял свою дочь на работу по блату, – засмеялся папа, хотя было видно, что он огорчен моим отказом. – Как ты себя чувствуешь?

– Маме привет, – скоренько завершила я разговор, опасаясь, как бы папа не начал настаивать, а я, по обыкновению, уступила бы и поехала в отчий дом. Предки все не могут забыть тот случай с машиной, вот и волнуются. Ладно бы просто волновались, но то, что они надумали... И были свято уверены, что я ни о чем не догадываюсь...

Не то что бы я не любила дом родителей, просто в последнее время обстановка там, мягко говоря, не очень радостная. Мама смотрела на папу грустными глазами, как будто каждую секунду опасалась за его жизнь и здоровье. Папа нервничал, что безуспешно пытался скрыть от нас с мамой. Денис вообще редко заглядывал к предкам, пропадая на работе.

А если и заглядывал, то вид имел хмурый, сосредоточенный, и после ужина сразу же запирался с отцом в кабинете под предлогом игры в шахматы. Как будто мы с мамой не знали, что говорят они о работе. Точнее, о проблемах на ней. А мать от скуки принималась донимать меня вопросами о личной жизни и планах на будущее, что было для меня совершенно невыносимо. В основном потому, что о своих планах на будущее я и сама ничегошеньки не знала.

К своему дому я подходила, когда начало темнеть. Соседи из дома рядом уехали месяц назад, потому я сразу обратила внимание на мужчину, стоявшего неподалеку от их ворот.

Свет фонаря туда не доходил, оттого разглядеть мужчину не удалось. Высокий, на голове капюшон. Мне показалось, что я уже где-то видела похожую фигуру. Когда пару дней назад загружала продукты в машину на подземной парковке, заметила, что сзади меня на площадке кто-то есть. Народу ввиду позднего времени было мало, и высокая фигура в капюшоне бросилась в глаза. Почему-то такие совпадения тревожили. Человек – случайный прохожий, возможно, остановился покурить или ждал кого-то. А может, он из паркурщиков? Через перекресток от меня уже лет пять строят высотку, но все никак не завершат строительство. И это привлекает в наш район любителей острых ощущений.

Я замедлила шаг, всматриваясь в темноту и на ходу доставая ключи.

– Вы кого-то ищете? – вдруг громко спросила я, но ответа не последовало.

Мужчина, бросив сигарету, резко развернулся и устремился к переулку. Я пожалала плечами.

Хотя я виртуозно отмазалась от посиделок у камелька родни, делать дома мне было совершенно нечего. Звонить подругам не хотелось, потому что программа на вечер была предсказуема: ресторан, а потом в клуб до утра. Немного подумав, я плюхнулась на диван у камина и набрала номер Дена. Брат как раз сегодня вернулся из двухдневной командировки. Тот отозвался сразу же, как будто ждал моего звонка и держал трубку в руке. Примерно так все и обстояло.

– А я как раз хотел тебе позвонить, – хмыкнул братец, по обыкновению используя в отношении меня покровительственную интонацию «старшенького» и гуру в одном лице. – Сегодня пятница. Какие планы?

– Ни-ка-ких, – отчеканила я, охотно включаясь в игру и делая вид, что ни о чем не догадываюсь, – именно об этом и звоню отчитаться. Просто мечтала, чтобы ты понудил мне в трубку, что так жить нельзя и «все пропало, шеф».

– Именно так, – с преувеличенной серьезностью ответил Ден. – Будешь опять сидеть на диване у камина, пить мартини и размышлять о бренности бытия. Вместо того чтобы сесть в свою крутую тачку, приехать в клуб и сразить там всех наповал.

– Чем? Своей кислой физиономией?

– Блондинка на новом красном «Мини Купере» – это уже само по себе сногшибательно. А если она еще красива и умна, как моя сестра, то...

– То она твоя сестра. А ты врун и подлиза. Но я тоже не подарок, так что приезжай ко мне, я приготовлю голубцы, поболтаем. Предкам сказала, что буду работать на благо родной фирмы не покладая рук. Так что не выдавай.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – заверил Ден и, немного помявшись, все-таки задал вопрос, которого я внутренне ожидала, но к которому, как оказалось, была не совсем готова: – А что, если нам позвать и Стаса? Посидим, как в старые добрые...

– Не надо, – чересчур поспешно ответила я и закусила губу. Ну и дура, сама себя выдала такой реакцией, поэтому последующее не удивило.

Ден, конечно же, сразу ухватился за эту тему:

– Я вообще не понимаю, почему вы ведете себя, как дети? Он в тебя влюблен, это же очевидно. И ты в него. Или нет? Да уж, в детстве все было проще: дернул девочку за косичку, поднес портфель, написал на асфальте мелом три слова. А сейчас голову сломать можно в современных отношениях.

– Именно поэтому ты до сих пор не женился? – съязвила я, желая сменить разговор. – Или твои девочки нечувствительны к дерганию за косички?

– Современные девочки чувствительны к баблу, которого у нашего папы много. Автоматически его много и у нас. В их глазах, конечно. Так что я завидный жених. Эдакий принц Гарри уездного масштаба. В таких обстоятельствах сложно верить в чью-то искренность.

– Можем позвать Жанну, – брякнула я, чтобы его отвлечь. Знала, что мысль эта придется ему не по вкусу. – Она давно хотела посидеть по душам. Последнее время редко видимся.

– Нет, давай тогда никого звать не будем, – поспешно возразил братец. – Вот опять ты меня сбила с мысли. Стас – отличный парень. И если у вас когда-то не сложилось, не стоит ставить крест...

– Дело не Стасе. Ты субъективно смотришь на вещи. Просто... Все, хватит болтать: излучение телефона отрицательно действует на мои мыслительные способности. Ну, и прочее в том же духе. Жду.

Братец хмыкнул, но появился через час, держа в одной руке бутылку мартини, а в другой – пакет с провизией. Я понесла еду на кухню и сразу почувствовала запах клубники, магазинной очереди, а еще странный запах с металлическим оттенком. Я уже научилась его различать – это был запах лжи.

Хорошо, что брат не видел, как я жадно втягиваю воздух ноздрями, пытаюсь выудить еще хоть капельку информации.

– Если тебя не кормить, ты исчезнешь с лица земли. Иногда мне кажется, что ты ешь только в гостях...

– Неправда. Вот сегодня у меня на ужин рассольник. Ну и голубцы, разумеется. Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста, – дурашливым голосом продолжила кривляться я, опасаясь, как бы Ден не заметил за моим наигранным хорошим настроением то непонятное томление, не дававшее покоя в последние недели. Может, он прав, и мы со Стасом когда-то поторопились, а теперь я кусаю себе локти? И медленно схожу с ума, решив, что у меня открылись суперспособности?

– Ничего себе, набор! – присвистнул братец, шаря по кастрюлям. – Неужто для меня старалась? Или у тебя появился кто-то, достойный борщей? Если да, ты только скажи, и я...

– Никто не появился. В случае чего, ты узнаешь об этом первым, – заверила я, накрывая на стол.

– И все-таки я хотел поговорить с тобой про Стаса. Вы, жуткие умники, уже почти год морочите мне голову. Я так и не понял, почему вы в очередной раз разбежались? Ладно тогда, тебе едва стукнуло восемнадцать, он был старше... И не куксись, вся родня была в курсе, хотя вы и думали скрыть очевидное. Ваше расставание тогда вполне понятно: твой юношеский максимализм, у него было много девчонок, а потом и много проблем. Но теперь тебе двадцать пять, ему в этом году стукнет тридцатник, как и мне. Вы могли стать прекрасной парой. Я бы был искренне рад, если бы вы снова попробовали сойтись.

– Я знаю, Стас – твой лучший друг. И мой тоже. Он замечательный и заслуживает всего самого лучшего. Но я не подарок. Наверное, все дело в этом. Нам проще дружить, чем быть любовниками. Понимаешь?

Судя по физиономии, ничегошеньки он не понимал. Да и я тоже. Но заполнять возникшую паузу все равно пришлось:

– Может, я боюсь все испортить и потерять друга. Может, я просто не готова к серьезным отношениям... Не знаю. Я решила не торопить события. Пусть все идет так, как идет. Куда-нибудь выплывем.

Ден покачал головой, демонстрируя свое отношение к моим запутанным оправданиям, и приналег на виски. Да уж, без ста грамм не разобраться с тем, что творится в моей личной жизни. Так что брата я вполне понимала.

Глава 2. Я и Стас

Стас был сыном лучшего друга и компаньона моего отца Владимира Ивановича, или, как я называла его с детства, дяди Вовы. Наши предки сначала сидели на одном горшке в детском саду, потом коротали школьные будни за одной партой, а вот после последнего звонка их пути разошлись. Папа, красный медалист и умничка, пошел учиться в лучший вуз страны по специальности программист-математик, а дядя Вова, круглый троечник, с трудом поступил в местное техническое училище.

Честно говоря, я не особо вдавалась в подробности «той» их жизни, в смысле, жизни до того периода, как они создали свою первую «фирму». Да и сложно это было назвать фирмой, ведь их в СССР официально не было. Сначала в их коллективе были сам папа, компьютерный гений того времени, два его однокурсника да дядя Вова. Папа умел работать, думать своей головой и организовывал их небольшой коллектив на достижение поставленных задач.

Чем был занят в 1990-е папа Стаса, понять не сложно. Болтали всякое, но я никогда не обращала внимания на сплетни: сколько воды утекло за эти годы. Даже если дядя Вова когда-то был причастен к каким-то криминальным структурам, меня это мало волновало. Всю свою осознанную жизнь я знала, что папа и дядя Вова – друзья, соратники по общему делу и владельцы одной из крупнейших IT-компаний в нашей области. Да, их когда-то маленькая «любительская» фирмочка стала поистине огромным делом всей жизни.

Я очень гордилась папой, а дядю Вову просто обожала. Все детство я просидела у него на коленях, причем с самого рождения он называл меня не иначе как «невестка». Все мое детство я думала, что у меня два брата, настолько тепло и тесно общались наши семьи.

Думаю, даже глупо говорить о том, что я всегда была тайно влюблена в Стаса. Он был ровесником Дена и, конечно же, его закадычным другом. Для них я была малявкой, которую никогда не брали в свои «взрослые» игры, от чего я забивалась в диванные подушки и горько плакала. Меня извлекали из подушек и одаривали самодельными куклами и ворованными у соседей яблоками. Свои-то не такие вкусные! А потом я как-то резко стала подростком, неиз-

менно представляла себе, что вырасту и стану красавицей, как мама. И вот тогда Стас обратит на меня внимание и...

Когда мне стукнуло семнадцать и я на самом деле стала красавицей (по крайней мере, слышала про это по пять раз на дню), Ден уже жил отдельно. Со Стасом мы стали видеться намного реже. В основном на общих праздниках или летом, когда всей семьей ездили к ним в загородный дом на озере. Я знала, что у Стаса полно девчонок. Это было понятно: он был хорош собой, богат, образован.

Они с Деном тусовались в модных клубах, куда меня родители все еще не пускали. У них была своя «взрослая» жизнь, которую они, смеясь и покуривая в беседке, обсуждали вдалеке от «старперских» застолий. Ко мне же они относились, как к младшей сестренке: потрепать за ухом, подарить мобильник, сводить в кино и накормить мороженкой.

Все изменилось накануне моего совершеннолетия. Ден и Стас как раз уезжали в Англию на очередную практику. Дядя Вова договорился со своими заграничными партнерами, что их примут там и окажут всяческое содействие. Для брата и Стаса самостоятельные поездки за границу давно стали нормой жизни, а я до сих пор летала отдыхать только с родителями.

Когда я представила, что не увижу Стаса целых полгода, мое сердце сжалось до размеров чечевицы, и в голове тут же родился коварный план. Я заявила родителям, что в качестве подарка на мои восемнадцать мечтаю о месячной языковой школе в Лондоне, и была услышана.

Так я впервые поехала за границу с братом и Стасом: мы жили в самом центре Лондона, тратили родительские деньги и отлично проводили время. Если честно, про учебу в тот месяц я вообще не вспоминала, справедливо решив, что английский подождет. Зато активно соблазняла Стаса, пока братец был занят на работе: по негласной договоренности один из них всегда сопровождал меня, пока другой отлучался.

Наверное, то, что мы первый раз поцеловались, было моей инициативой. Как бы ни обидно это звучало для моего девичьего самолюбия. Сарафаны мои в тот период были короче некуда, а растрепанные ветром свободы волосы делали меня невообразимо сексуальной. По крайней мере, чувствовала я себя именно такой: раскрепощенной, красивой и способной на безумные поступки.

Ведь то, что вчера еще скромная девочка сама поцеловала парня своей мечты прямо на колесе обозрения, усевшись к нему на колени и выбросив в окно его попкорн, иначе как безумием не назовешь.

А то, что Стас не оттолкнул меня, а увлеченно продолжил со мной целоваться, я не могла назвать иначе, как безумной удачей. С того дня мы по молчаливому соглашению скрывали свершившееся от Дена, ловя безумный кайф от поцелуев украдкой и от редких прогулок за ручку по городу мечты, где никто не знал нас. И мы никого не знали. Наверное, тогда я была очень счастлива. Счастлива просто, безусловно, не оглядываясь на «а что скажут люди», не думала о последствиях и о том, что очень скоро придется возвращаться домой, где все станет совсем по-другому. Я была юной девочкой, наконец заполучившей мечту в лице Стаса, а он...

Не знаю, что думал Стас, потому что, кроме невинных поцелуев, у нас ничего не было, а ему как-никак на тот момент исполнилось уже 23 года, и женским вниманием он не был обделен никогда.

Из Лондона я уезжала в слезах. Брат думал, что я буду скучать по Англии, а мое сердце разрывалось из-за мыслей, что Стаса не будет рядом. Первое время я ходила по дому сама не своя, пугая родителей странным отрешенным взглядом. Стас не звонил, а когда я позвонила, долго разговаривал со мной, убеждая, что мы сделали ошибку. По его словам, он не мог скрывать от Дена, что стал встречаться с его сестрой, да и наши родители бы не одобрили такой расклад.

Он считал, что мне стоит сосредоточиться на поступлении, и уж потом, когда он вернется, мы можем подумать, как аккуратно сообщить своим семьям об изменении в наших отноше-

ниях. Сейчас с позиции прожитых лет эта ситуация казалась мне не стоящей выеденного яйца: у Стаса на тот момент явно была девушка, скорее всего, даже не одна. Да и лишние сложности ему были ни к чему: девочка, влюбившись, могла натворить глупостей или провалить поступление в престижный вуз. Уверена, он понял, что я влюблена не на шутку, и подумал о последствиях: ведь одно дело – бросить какую-то малознакомую девицу, послав куда подальше. Другое дело – дочку партнера отца, которая устроит истерику или, чего доброго, сиганет в окно.

Прояви я немного благоразумия и хитрости, мы вполне могли бы чуть позже начать встречаться и даже создать ячейку общества, объединив капиталы на радость родне. Но тогда для меня словно рухнул мир, я посчитала его поведение предательством. Хотя он, в сущности, ничего мне не обещал. И даже не был инициатором наших невинных поцелуев.

Наверное, назло ему и всему миру я отказалась поступать на экономический. Внезапно для всех подала документы в колледж. Стас, узнав об этом от брата, прилетел на пару дней: на какой-то момент мне показалось, что все вернулось. Мы целовались так долго, что у меня распухли губы, за этим занятием нас и застал дядя Вова.

Наверное, он все рассказал моим родителям, но никто из них не подал виду, что наша история перестала быть тайной. За эти пару дней мы стали любовниками по-настоящему, что, пожалуй, стало самым значимым событием того периода моей жизни. А потом я нашла у него в телефоне переписку с девушкой, которая называла его «котиком», и в сердцах разбила этот самый телефон.

Юношеский максимализм зашкаливал, а про то, что у него до меня были отношения, которые он не мог оборвать в одночасье, я и слышать не желала. Словом, мы опять разругались, и он уехал в Англию. На экзаменах я так натурально читала монолог Джульетты, рыдая настоящими слезами, что покорила сердца комиссии. Меня приняли, хотя звезд с неба я, конечно, не хватала. Впрочем, поняла я это быстро и к затее стать актрисой охладела, хотя честно пыталась найти себя в профессии.

Первый год учебы я страдала, со Стасом мы виделись редко, и все его попытки поговорить на тему того, что было между нами, я пресекала. Жизнь шла своим чередом. В тот год у Стаса умерла мама, которая до этого уже пару лет болела: тетя Надя буквально сгорела от рака, за считанные месяцы превратившись из румяной красавицы в обтянутый кожей скелет. Вся моя семья тяжело переносила тот период, и я старалась всячески поддержать Стаса, забыв о нашей истории и решив навсегда похоронить ее в своем девичьем сердце.

Этому активно способствовала веселая студенческая жизнь, симпатичные однокурсники, посиделки с гитарами, вино и пьянящий ветер свободы. Такой, каким он бывает только в восемнадцать лет. Конечно, я еще какое-то время страдала и с глубокомысленным видом курила тонкие ментоловые сигареты, но потом стала ходить на свидания, жить обычной жизнью молодой девицы на выданье и пару раз даже влюблялась. Ничего серьезного, но Стас понемногу переставал быть смыслом жизни и ее же целью.

Какое-то время мы практически не виделись: Стас с отцом много работали и путешествовали, пытаясь унять боль утраты после смерти родного человека. А через три года дядя Вова внезапно для всех и в первую очередь для самого себя, женился. На молодой девушке, практически моей ровеснице, которая пришла работать менеджером на нашу фирму.

Чем она пленила отца Стаса, я могу понять: точеная фигурка, копна каштановых кудряшек, смех колокольчиком. стыдно признаться, но мы с ней мало-помалу стали приятельницами, когда и я, в свою очередь, пришла работать к отцу. Частые контакты по работе, а также обеденные посиделки в местной кафешке способствовали тесному общению. Милана оказалась девушкой простой и доброй, души не чаяла в муже, как и он в ней, поэтому обвинять ее в корысти могли лишь слепые или злопыхатели.

Дядя Вова выплеснул на Милану всю свою позднюю и не до конца нерастраченную любовь. Результатом этой любви стала чудесная малышка Соня, которой сейчас было уже три года.

Именно глядя на эту семью, я впервые осознала: жизнь непредсказуема, и ее повороты могут быть болезненно крутыми. И если где-то в одном конце мира загорается свет, в другом он как раз гаснет: тети Нади не стало, но ее семья продолжила жить, а у ее мужа появилась новая семья. И осуждать здесь кого-то было излишним. Во всяком случае, я этого не делала. Что думали по этому поводу мои родители, я не знала, потому что этих тем при мне старательно избегали.

Думаю, в их старомодном сознании экстравагантный поступок дяди Вовы стал разрывом шаблона, а молодая жена при всем своем желании не смогла бы заменить им тетю Надю, с которой они съели не один пуд соли за столько лет дружбы. Но внешние приличия все соблюдали, поэтому в нашей жизни ничего разительного не изменилось. Для Стаса, думаю, такой поворот в жизни стал неожиданностью: он был слишком привязан к матери и до конца не простил отцу «измену».

С Миланой он был холодно вежлив: новая пассия отца была младше его на два года. Да и с сестренкой практически не общался: такая разница в возрасте, да и обстоятельства весьма пикантные. Хотя малышка росла ангелом, и дядя Вова последние пару лет светился от счастья, внешне помолодев на добрый десяток лет.

Моя жизнь последние пять лет тоже не давала скучать: пара татуировок, экстремальный спорт, путешествия, попытки самостоятельного проживания. Один раз я даже чуть не вышла замуж за однокурсника, который клялся любить меня вечно.

Синичкин был высоким блондином без гроша за душой, но ему пророчили прекрасное будущее в театральной сфере, и он умел «гусарнуть». Лихо пил водку стаканами на спор, бил морду тем, кто, по его мнению, этого заслуживал, а еще умел красиво ухаживать.

Столько ромашек и серенад под окнами я не видела даже в кино, так что я была обречена влюбиться и согласиться на его суповой набор в виде руки и сердца. В семье случился переполох, мама пила сердечные капли, папа пил коньяк, а братец непроизвольно сжимал кулаки при одном упоминании Синичкина. В доме пару раз прозвучало слово «альфонс» и брак по расчету.

Когда мольбы и угрозы семьи на меня не действовали, Ден вскрыл переписки моего будущего мужа в мессенджерах, и прислал мне. Объяснив, что это «для моего же блага». Оказалось, паренек имел на меня вполне меркантильные планы, о чем радостно сообщал своим параллельным пассиям. Это показалось мне подлым, поэтому замуж я не пошла, но почему-то винила во всем не Синичкина, а свою семью.

Справедливости ради стоило заметить, что всех предыдущих ухажеров они тоже успешно «отбрыкивали», считая недостойными, чем вызывали мое жуткое недовольство. Отгородившись от родни стеной молчания, днем я спала, провалившись в небытие, а по ночам слонялась по улицам, пугая редких прохожих.

И надо же было так случиться, что в одну из таких прогулок меня случайно зацепил выпивший придурок на старой «Мазде», проезжающий мимо. Отделалась я легким сотрясением головы, парой ссадин. Придурок лишился прав и едва не сел за решетку, а родные уверились в том, что я хотела броситься под машину из-за несчастной любви. И сколько я ни пыталась объяснить семье, что я вовсе не Анна Каренина, ничего не вышло. С тех пор опекать меня стали еще сильнее, возились, словно с тухлым яйцом, лишь бы я снова не предприняла попыток суицида. Оправдываться мне надоело, и я махнула на все рукой. Кстати, именно тогда я начала замечать за собой одну странность – меня очень беспокоили навязчивые идеи. Как будто мир разговаривал со мной на языке запахов. У меня не просто обострилось обоняние, но пришла уверенность: я могу считывать события, которые стоят за тем или иным ароматом.

Честно говоря, я пока не могла понять, хорошо это или плохо. А уж о том, чтобы сказать об этом родным, и речи не шло. Точно упекут в психушку.

Словом, седых волос родителям за бурную юность я прибавила немало, а сама закрылась в глухую раковину и укрепилась во мнении, что счастливая любовь – это не про мою честь.

Конечно, все эти годы мы со Стасом виделись и периодически пытались начать отношения заново. Кстати, теперь инициатором все больше был он. После позорного фиаско моего брака с Синичкиным он, видимо, осознал, что меня «сложно найти, легко потерять и невозможно забыть». По крайней мере, моя умудренная опытом подружка Жанна именно так это и назвала. Я не была сильна в мужской психологии, потому не спорила с ней. Тем более ее слова оказались пророческими.

В очередной раз вернувшись из-за границы, Стас приехал ко мне и заявил, что хочет остаться навсегда. Из его долгого взволнованного монолога, подкрепленного изрядной долей виски с его стороны и вина – с моей, следовало, что я всегда была любовью всей его жизни. Той недостижимой мечтой, к которой он боялся прикоснуться, чтобы ничего не разрушить.

– Прости, что вот так свалился тебе на голову. Понимаю, тебе надо подумать. Просто знай: я всегда любил тебя, пытался затрахать пустоту в жизни другими, – с горькой усмешкой заявил Стас, привалившись к косяку балкона. – Ты и сама знаешь... Просто ты – идеал, самое светлое воспоминание... То, что я буду вспоминать с теплом в сердце, если завтра придется умирать.

– Все у нас как-то по-дурачки началось, так и покатило, – попыталась я снизить градус лиричности его монолога. – То одно, то другое.

– А ты изменилась... Сам виноват. На что я рассчитывал? Сначала не хотел портить тебе жизнь, думал, что ты поспешила выдать детскую влюбленность за настоящее чувство. Потом поздно было объяснять, что к чему. Твоя жизнь понеслась галопом: поступление, новые парни, сомнительные знакомства... Странно, мне казалось, что мне нет места в твоём новом мире. А потом... Потом стало казаться, что без тебя моего мира тоже нет. Звучит, словно я какой-то дешёвый актеришка. Но это правда. И вот я здесь.

– Тебе не кажется, что мы поменялись ролями? – задала я вопрос, который мучил меня все эти годы. Вино придало мне смелости и этакой разухабистости. – Раньше я была на тебе заиклена. Я даже красивой стала, чтобы что-то тебе доказать. Вспомни, ведь я росла гадким утенком, но из всех сил стремилась стать прекрасным лебедем. Глупость страшная, но мне казалось это важным.

Лицо Стаса мученически вытянулось.

– Наверное, это из-за меня ты наломала столько дров. Учиться не пошла, этот твой Синичкин... Как представляю, что ты могла что-то с собой сделать...

И он туда же. Опять эти байки про мою склонность к суициду. Я недобрым словом помянула ездуну на «Мазде», но вслух сказала:

– Не пытайся романтизировать мои сумасшедшие поступки. В каждой семье должна быть паршивая овца. Все в своей жизни я сделала сама. Если честно, я ни о чем не жалею.

– Даже о том, что у нас ничего не вышло? – Стас подошел ко мне сзади, обнял меня и заскользил губами по шее, от чего по моему телу сразу же побежали электрические токи, парализовав работу мозга. Несмотря на изрядное количество выпитого, я мягко отстранилась и, покачав головой, все-таки ответила. Хотя он и не ждал ответа.

– Я любила тебя. Может быть, по-детски, может быть, не так сильно, раз не смогла сохранить. Не знаю... Но все уже давно отболело, потому что так бывает всегда. Тебе ли не знать? После тебя у меня были другие мужчины, и даже сегодня я была на свидании, с которого ты меня, кстати, вызвонил. Пойми, я люблю тебя, но теперь, скорее, как родного человека. Я не знаю, стоит ли нам...

Стас молчал и смотрел в одну точку. В глазах – боль и сожаление. Я вдруг почувствовала запах отчаяния, и сердце мое сжалось.

– На что мы прожигаем жизнь, Тинка? Она же все ускоряется в геометрической прогрессии. В октябре мы ждем Новый год, после сразу мечтаем о весне, с первыми днями марта планируем лето. Знаешь, кажется, жить в настоящем мне невыносимо. Хотя почему кажется, так и есть... Впечатления, впечатления. Картинки меняются все чаще, нам хочется все больше разнообразия. Бутафорная какая-то жизнь вытеснила настоящие мысли и чувства. Пусть катится куда подальше!

Внезапно замолчав, Стас притянул меня к себе. Впился в мои губы и прижал к стене. От него пахло самым лучшим в мире одеколоном и чем-то родным и щемяще-тревожным, отчего хотелось одновременно смеяться и плакать навзрыд. Ответив на поцелуй, я уже не могла остановиться.

Взглянул в лицо Стасу, я заметила, как подрагивать уголки его губ: он ободряюще мне улыбнулся, и я в очередной раз отметила, как он хорош собой.

Стоит ли говорить, что мы опять стали любовниками, так и не расставив все точки над «і». Но недосказанность того разговора мучила и меня, и его: я не понимала, стоит ли нам начинать отношения заново, несмотря на то, что в постели с ним про все эти мысли я мгновенно забывала. А он много работал и часто уезжал в командировки, так что отношения мы не афишировали, чтобы не сбивать с толку родню.

Я знала, что Стас хотел уехать в Штаты на пару лет, чтобы попробовать там открыть филиал семейной фирмы. Он предложил лететь с ним, но я дипломатично отказала: мне предстояло еще год учиться в университете, и я сочла это хорошим поводом. Наверное, влюбленная девушка рванула бы вслед за любимым, или любимый не уехал бы на другой конец света от той, без которой жить не может. Но мы снова расстались, молчаливо пряча глаза в аэропорту и никак не конкретизировав наши отношения. Я доучилась и пошла работать к отцу на фирму. Жизнь моя была не то чтобы слишком наполнена смыслом, но и чувствовать себя несчастной повода я не видела.

Год назад Стас неожиданно вернулся, причем навсегда или уж точно надолго. Все свои идеи он перевез с собой, и они с Деном ударились в разработки. Я, к своему стыду, радости от его приезда не испытала. В основном потому, что не знала, чего ждать от жизни. Про наши отношения, словно сговорившись, мы не заводили речь: то ли Стас не хотел на меня давить, то ли отношения ему были без надобности. Не скажу, что я сильно рвалась на баррикады, но эта неопределенность ставила меня в тупик.

Откровенно встречаться при нем с кем-то другим я считала неприличным, прятаться не желала, а прямо поговорить все как-то не получалось. Чего доброго, Стас решил бы, что я навязываюсь и, как приличный человек, поспешил бы сделать предложение. К тому же я сама не знала, хочу ли снова пробовать, раз уже несколько раз не задалось.

В таком состоянии «собаки на сене» я и жила, отравляя свое существование и виня себя во всех смертных грехах. Ден вбил себе в голову, что мы два дурака, по глупости не способные договориться, и всячески пытался внушить мне, что Стас – моя половинка. Родители тоже мягко намекали, что не худо бы подумать о замужестве. А я, следуя своему дурацкому характеру и стремлению делать все наоборот, еще больше замыкалась в себе.

При встрече со Стасом мы вели себя как лучшие в мире друзья и, глядя на нас, никто бы не догадался, какие страсти бушуют внутри каждого. Именно поэтому в тот вечер я так решительно воспротивилась предложению брата позвать к себе Стаса. Ден обязательно бы смылся под каким-то благовидным предлогом, а мы остались вдвоем. И кто знает, к чему бы это снова привело. Странная штука жизнь. Предаваясь таким мыслям, я не заметила, что последнее слово произнесла вслух, разбудив задремавшего в кресле Дена.

– Жизнь нужно прожить так, – назидательно промолвил братец, потягиваясь, – чтобы не было...

– Мучительно больно за бесцельно прожитые годы? – подхватила я, вытирая посуду.

– Нет, чтобы не было мучительно. Больно будет все равно. Не тебе, так другим. К сожалению, одним фактом своего существования на земле мы порой причиняем боль другим.

– Ты не думал составить конкуренцию Ницше? – хмыкнула я, хотя его слова неожиданно задели. Может, он прав, и я причиняю боль Стасу только одним своим существованием по дурацкой причине: потому что не умею жить «не мучительно»?

Просто радоваться каждому дню, выйти замуж за хорошего парня, родить детей, работать, сорить деньгами, в конце концов. Определиться. Такие мысли на сон грядущий были явно лишними и, устроив братца в гостевой спальне на первом этаже, я долго курила на балконе, завернувшись в плед и любуясь новолунием. А потом до утра не могла уснуть, беспокойно ворочаясь и ощущая какую-то тоску и безысходность.

Глава 3. Первый день зимы

Стоит ли говорить, что проснулась я разбитой и совершенно несчастной. Ден пил кофе на кухне и лазил в моем ноутбуке.

– С первым днем зимы, сестрица! – махнул он мне рукой, снова утыкаясь в ноут.

– Зима незаметно подкралась в декабре, – пробормотала я, заворачиваясь в плед и наливая себе кофе из турки. – Чего ж на душе так паршиво, а?

– Это все из-за неустроенности в личной жизни.

– Кто бы говорил...

– Моя жизнь устроена, просто не так, как хотелось бы нашему отцу, – перебил братец, а я покачала головой.

– Ты бабник. Но зло всегда возвращается. Когда-нибудь ты встретишь девушку своей мечты, а она покажет тебе кукиш.

– Я переживу, – усмехнулся Ден. – Серьезно. Иногда мне кажется, что я не создан для семейной жизни. Чем планируешь занять выходные?

– Съезжу за продуктами. Потом надо переобуть машину и завезти шубу в ателье – пуговицы заменить. А еще прошвырнуться по торговым центрам в поисках парочки теплых свитеров. Вечером съезжу с подружками в клуб или в СПА-центр. В воскресенье навещу предков и займусь бумагами дорогого гостя из США. Короче, скука и тлен.

– Да уж, впечатляет. Кстати, про дорогого гостя. Ты в курсе, надолго он прибыл? Старики навели такую секретность, мы теряемся в догадках. Неужели они надумали продавать наше новое приложение за бугор? Боясь, что здесь его стырят конкуренты?

В ответ я закатила глаза:

– Папа пытался честно сделать вид, что я должна обсуждать с ним детали предстоящей продажи нового приложения. Но документы я пока не изучала. Мне предстоит отрапортовать детали, так сказать, сделать выжимку. Они будут сравнивать это предложение и еще какое-то местное. Выбрать более выгодное, насколько я поняла. Что-то вы там со Стасом ценное наваяли.

– А то! Фирма веников не вяжет, – подтвердил брат.

– Дорогой гость пока развлекается местным колоритом, отец организовал ему экскурсию по местам боевой славы. А так... Ты же знаешь, я лицо незаинтересованное: принеси, подай. Дальше продолжать?

– Обойдусь, – хмыкнул Ден и, чмокнув меня в макушку, отбыл, пообещав писать письма мелким почерком.

Я честно попыталась занять себя хоть чем-нибудь полезным, но готовить для себя мне всегда было лень, а уборкой занималась проходящая пару раз в неделю домработница. При-

няв душ, я поклонялась по комнатам в поисках обозримой цели. Перебрала свой зимний гардероб и все-таки заставила себя подойти к зеркалу, чтобы сделать укладку: никогда не знаешь, куда тебя занесет ближе к вечеру. Поболтала со скучающей мамой по телефону, обсудив ее приятельницу, сделавшую пластическую операцию, и решила выдвигаться. Не то окончательно прирасту к дивану.

Придумав себе план, я собралась выпить кофе по дороге и зачем-то позвонила Милане. Авось повезет, и она тоже слоняется где-то в центре? Вдвоем убивать время куда веселее. Милка отозвалась после пары гудков и порадовала тем, что как раз собиралась выезжать.

– Я же сегодня у предков ночую, отпросилась на побывку. Встретимся в блинной на втором этаже «Галереи», идет? – запыхавшись, пробормотала она. На фоне что-то громко кричала Соня, причитала няня и истошно лаяла их болонка Дуся. Я поняла, что подружка просто пытается сбежать из дома. Пока сумасшествие не настигло ее и не заставило убежать в ночь пьяной и голой, выкрикивая стихи Есенина.

Встреча подтвердила мои опасения: правый Милкин глаз был уныл и не покрашен, зато второй блистал во всем великолепии, делая ее похожей на одноглазую сову. Да и сама она выглядела не очень бодрой.

– Боже, опять забыла докрасить! – с досадой махнула она рукой в ответ на мое замечание. Плюхнулась на пластиковый стул и достала из сумки темные очки. – Дети – это зло. Шучу. Но для женской внешности уж точно.

– Зато весело, – вздохнула я, махнув официанту.

– Да уж. Сегодня у нас веселится Вовка. А я, пожалуй, погрущу.

То, как она называла дядю Вову, почему-то не коробило, а вызывало умиление. И я в очередной раз вздохнула, представив себе тихую семейную жизнь, полную детских криков, манной каши и выходных за просмотром сериалов. Почему-то эта картина не порадовала, и я кисло усмехнулась. Милка сразу пошла в атаку:

– Вот ты кривишься, а время идет. Детородный возраст, между прочим...

– Не начинай. Мне хватило Дена. Если еще и ты начнешь агитировать меня пополнить ряды жenuшек с половником, я тебя тресну.

– Денис вчера был у тебя? А мы с Вовкой ужинали у твоих, они сказали, что вы завалены работой, – хихикнула Милка. – Я так и поняла, что вы пьянствовали. Стас был?

– Нет, – покачала я головой, отводя глаза, хотя поболтать про Стаса с Милкой очень хотелось. – Я решила, пока лучше не нарушать то шаткое равновесие, что установилось между нами.

– Я не понимаю, что тебе надо? Он красавец, с мозгами и бабками. Вы знакомы с детства, и он в тебе души не чаёт. Да и посмотрите вместе, как Кен и Барби. Смотри, уведут...

– В том-то и дело. Все видят картинку, но за ней стоят реальные люди, и как эти люди смогут уживаться между собой...

– Притретесь!

– Не знаю, мы столько раз пробовали, что теперь это кажется даже смешным. А еще он бабник. У Стаса до меня, после меня и во время меня была тьма-тьмущая деvушек, мечтающих залезть к нему в штаны.

– Но не в душу, – перебила подружка, – а это главное. Любит-то он тебя. Разгонишь остальных поганой метлой.

– Я в этом сомневаюсь. Мне кажется, мы оба стали заложниками общественного мнения. Все были так уверены в нашей любви, что мы сами поверили в эту сказку. Только счастливого конца что-то не предвидится.

Решив закрыть эту тему, я перевела разговор на новый Милкин цвет волос, после чего мы добрых два часа болтали о модных шмотках и косметике. Прошвырнулись по магазинам:

у Сони скоро был день рождения, и Милана хотела купить ей подарки. Не забыли и про салон красоты. Устав от шоппинга, пообедали суши в местной забегаловке. День определенно удался.

Чем мне нравилась Милка: с ней одинаково свободно можно было сорить деньгами в бутике и жевать чебурек в привокзальной кафешке. В любой среде она чувствовала себя одинаково комфортно и излучала сытое спокойствие, чего не скажешь обо мне. Появившаяся вчера тревога понемногу усиливалась, что дико раздражало, оттого я, наплевав на здравый смысл, позвонила еще и Жанне. Вот уж кто всегда был готов веселиться!

Она давно звала меня выбраться в свет, поэтому быстро примчалась в торговый центр. Как всегда, в кожаном мини, с красной помадой и с улыбкой от уха до уха. Какое-то время мы втроем еще погуляли по магазинам, потом выпили кофе и проводили засобиравшуюся к родителям Милану до парковки.

– Странная эта Милка, – усмехнулась Жанна, поправляя роскошные каштановые локоны. Она очень гордилась своими густыми волосами и всегда распускала их, не признавая резинки и заколки. – Денег куры не клюют, а она в простых джинсах ходит. Кофточка блеклая. Прицепилась к моей цепочке. Красивая, говорит. А что в ней особенного? Это мне Толян-автосервис подарил.

– Оригинально, – похвалила я подвеску в виде клевера с четырьмя лепестками.

– Ну, хоть золото, а в кулоне вроде осколки брюликов. У меня и сережки такие были, только я одну потеряла. У Милки небось брюлики побольше размером, – махнула рукой Жанка и заказала нам по коктейлю.

Хорошо, что я приехала на такси, не то пришлось бы бросать машину здесь. От Жанки так просто не отвертишься. Покончив с «Апероль шприцем», мы отправились к ней домой.

Квартиру подруга снимала в тихом уютном районе города, где в основном жили пенсионеры и семейные парочки. Наверное, на элитное жилье денег не хватало, а работать Жанка не то чтобы очень любила. Думаю, чаще всего ее образ жизни спонсировали ухажеры.

Стоило признать, затея ехать к Жанке была не очень хорошая: вечер с ней всегда заканчивался в ночном клубе. Кстати, именно там нас пару лет назад и познакомил Ден. Кажется, в тот раз он пришел именно с ней, а учитывая, что Жанна была красоткой, наверняка не раз с ней спал. Но моральный облик братца был мне по фигу, а Жанна оказалась веселой девчонкой: компанейская, легкая на подъем. Жуткая тусовщица, она прекрасно знала иностранные языки, легко входила в любое общество и открыто охотилась за богатыми женихами.

Ден считал, что она для меня не лучшая компания, хотя снобизмом никогда не страдал. Мне кажется, он просто опасался, что в обществе Жанны я буду проводить время с другими парнями, так что выдать меня замуж за обожаемого им Стаса будет проблематично.

Кстати, злился он зря. Последнее время виделись мы не так часто, я много работала, чтобы не думать о глупостях, а по ресторанам и клубам ходила редко, чтобы не пересечься там с братцем и все тем же Стасом.

Жанка даже обижалась, что я совсем не интересуюсь ее личной жизнью, как положено настоящей лучшей подруге. Если честно, я начинала дремать уже на середине описания ее походов. И поражалась чужой энергии.

Сегодня оставаться дома было особенно тошно, и я, немного поломавшись для приличия, все-таки отправилась в «Рапсодию» с подружкой. Перед этим мы выпили у нее дома по бокалу вина «для блеска глаз», как называла это Жанка. В такси она вдруг разоткровенничалась и поведала, что ее «карманный» парень Толик, с которым у нее возникли какие-то разногласия, уехал отдыхать с друзьями в Египет.

– Мне кажется, он меня бросил, – пожаловалась она. – Приревновал. Придется искать нового верного рыцаря.

– Твой «карманный» парень уже взрослый мужик. И, по твоим словам, вроде неплохой человек. Чего бы тебе не выйти за него замуж?

– Ты права, – вздохнула подруга. – Только Толик жутко скучный, а мы всегда любим не тех, кто любит нас. Да? Такая вот се ля ви.

Кого там любит Жанка, вопрос спорный. Она всегда до чертиков хотела заполучить статус замужней дамы. Как по мне, ей давно следовало перестать ждать неведомого принца, а сосредоточиться на более приземленных вариантах.

Еще возле входа в клуб я заприметила машину братца. И даже подумала дать задний ход. Но тут из «Ауди», наполовину скрытой от меня подъехавшим такси, выпорхнула эффектная рыжая девица. Мое внимание привлекала не она сама (хотя в декабре шубу при таком-то декольте лучше запахивать), а ее спутник в щегольском бежевом пальто. Это был Стас собственной персоной.

Пока Жанка расплачивалась с таксистом, я, вытянув шею, всю рассматривала своего несостоявшегося жениха и рыжую, пытаюсь понять, какие чувства во мне вызывает эта картина. Следовало с позором признать, что любопытство было самым сильным из них, а вот о любовной маете как-то не вспоминалось. Мы вышли, и Жанка, проследив за моим взглядом, удивленно присвистнула:

– Вау! Что это за шваброид в обнимку со Стасом?

– Понятия не имею. Но лицо знакомое.

– Вы же... Я хотела сказать, если тебе неприятно, мы можем не идти. Ты глянь, как она вырядилась... Вот стерва!

Я мотнула головой:

– Забей, в конце концов, мы со Стасом свободные люди. Он имеет право приходить куда угодно и с кем угодно. И потом, мы же не знаем, кто эта рыжая. Может, она его деловой партнер?

– Ага, с таким-то вырезом, – хмыкнула подружка, хватая меня под руку, чтобы не поскользнуться. – Смотри сама, а то можем поехать в «Брион».

Я упрямо покачала головой.

– Хотя тут, конечно, народец поинтереснее. – Кажется, Жанна обрадовалась и добавила: – И коктейли вкуснее.

Сама не знаю, чего в этот момент во мне было больше: желания доказать самой себе, что мне по фигу, или же желания поставить точку в этой истории, показав Стасу, что мы современные люди и вполне можем дружить. Пусть знает, что я не собираюсь устраивать скандалы, как в мои восемнадцать.

Наверное, женское самолюбие было все же немного уязвлено, а так как выглядела я в тот вечер на твердую пятерку, то и покрасоваться хотелось неимоверно. Мол, «пусть знает, что он потерял». Все это я и сообщила подружке, которая понимала меня с полуслова.

– Ох уж эти наши женские штучки, – вздохнула Жанна, пока мы отдавали портье верхнюю одежду.

Клуб был одним из самых дорогих в городе, поэтому народу здесь даже в выходной день было не то чтобы много. Братца я заметила сразу. Он сидел за столом с парой представительных мужчин, лица которых мне были смутно знакомы. Стас со своей спутницей уже присоединились к ним, причем рыжая заразительно смеялась, пока Стас что-то нашептывал ей на ухо.

Заметив меня, братец нахмурился, но почти сразу же нацепил на лицо ухмылку и замахал рукой. Стас, повернувшись, нервно дернул щекой, но в остальном ничем себя не выдал, сразу же адресовав мне лучшую из своих улыбок.

Пришлось идти здороваться, что сразу же понравилось спутникам Дена, уставившихся на меня и Жанну с видом детей, попавших в конфетную лавку. Но рыжую наш приход точно не впечатлил. Видимо, почуяв в нашем лице соперниц, она скисла и отбыла в дамскую комнату. Жанна принялась активно общаться со спутниками Дена, перетянув их внимание на себя. Улучив момент, брат шепнул мне:

– Эти двое – наши коллеги из Ярославля. С ответным визитом. Обмениваемся опытом, так сказать. А рыжая – дочка Мокридина из Москвы. Помнишь, возле центральной площади филиал его медцентра недавно открылся? У нас намечается коллаборация по поводу нашего нового приложения «Надежда». Так что она приехала подписать бумаги и договориться о сумме контракта. Это конкуренты американцев. Сумма нехилая. Я был в командировке, пришлось Стасу взять ее на себя: показать город, заселить. Ну и так далее. В хорошем смысле слова. Так что ты не подумай...

– А для меня любой смысл хороший, – лихо осушив бокал шампанского, шепнула я в ответ. – Стас мне не муж, так что пусть отдыхает. Схожу на бар за коктейлем.

– Тебе не стоит много пить, – укорил меня брат, а в воздухе запахло беспокойством. И немного опасностью. Я помотала головой, прогоняя наваждение.

Пока я шла к бару, до меня дошло, где я раньше видела рыжую.

– Точно, я столкнулась с ней в холле гостиницы, где поселила нашего американского товарища, – пробормотала я себе под нос, а потом перешла на мысленный монолог.

«Америкашки хотят наше приложение, отец рыжей тоже. И сейчас великие умы решают, с кем и как лучше взаимодействовать. Получается, рыжуля тоже поселилась в загородном комплексе с резными теремами? А я думала, такой колорит привлекает только иностранцев».

Возле бармена уже крутились две загорелые грудастые девицы, по виду – близняшки, так что мне пришлось занять очередь и созерцать свое отражение в зеркальной витрине напротив. Там же я заметила приближающегося Стаса.

– Ты красива, как богиня, – шепнул он мне на ухо, остановившись чуть сзади.

– Богини бывают разные, – брякнула я, – вот, к примеру, богиня войны Гера...

– Ты – Афродита! А если ты про рыжую, то забей. Можем хоть сейчас свалить вместе. Пусть ее Ден развлекает. Решают все равно наши предки. А это, скорее, дань уважения ее отцу. Не скучать же ей в отеле. Хотя в «Олимпе» приличное СПА, надо было подарить ей абонемент...

– Она поселилась в «Олимпе»? – я удивилась, потому что точно видела ее в «Теремке».

Интересно, что ей там делать? Учтывая, что там поселился их якобы конкурент из Штатов. Скандалы, интриги, расследования? Надо предупредить отца. Вдруг они сговорились за спиной у наших, чтобы сбить цену? Но вслух я произнесла совсем другое:

– Не стоит разочаровывать девушку. Вдруг у нее на тебя виды? Покажи ей, как отдыхает наша золотая молодежь.

– А ты?

– А я напьюсь с горя, поеду в караоке и буду орать песни дурным голосом. Вот, к примеру, Аллегрову. Да ладно, шучу, расслабься. Я не ревнивая, так что согласна на маленький гарем. Только, чур, я буду любимая жена.

– А то как же. Обожаю, когда ты кривляешься. Становишься еще более сексуальной. Жаль, что сегодня я не Бонд, а ты не моя девочка.

– Еще успеется, – засмеялась я, махнув рукой в сторону туалета. Оттуда с недовольным лицом выплыла рыжая, а Стас, обреченно вздохнув, побрел ей навстречу.

Пока бармен делал коктейль, я задумалась. Конечно, слова Стаса о том, что рыжая – тяжелая повинность, не более чем лукавство. Она симпатичная девушка с хорошим приданным, и любой парень в этом клубе был бы не против сопровождать ее. Про то, что наша фирма работает с Мокридиным, я слышала, так что слова Дена были правдой. И для нехороших мыслей вроде бы почвы не было. Неужели я ревную Стаса? Или мне просто досадно, что он опять выглядит ангелом в сиропе?

Наверное, подсознательно я думала, что сегодня мы поставим точку в этом затянувшемся романе: у тебя девушка, я тоже свободна как ветер. А вышло все как-то нелепо. Впрочем, у нас так всегда. Я немного поскучала за барной стойкой, но вернуться за стол все же пришлось.

К этому времени Жанна успела изрядно опьянеть и весело хихикала с мужчинами за столом. Илона (оказалось, так звали рыжую) потягивала коктейль и попеременно поглядывала то на братца, то на Стаса, видимо, так и не определившись, с кем хотела бы провести эту ночь или даже всю жизнь. Кто знает, какие планы витали в ее пламенной головке? Но мне все это было малоинтересно. Почувствовав что-то вроде разочарования от того, что предполагаемая измена Стаса не вызвала в душе бурю эмоций, я стала смотреть на вечер без оптимизма.

Всю сознательную жизнь я стремилась заполучить Стаса в свое безраздельное пользование, а когда мечта почти сбылась, она, как водится, перестала быть мечтой. И теперь я ощущала обиду на жизнь, смысл которой все время непостижимо ускользал из моего поля зрения.

На сцене ведущий сообщал, что скоро за пульт встанет модный ди-джей, приезда которого наш город, судя по афишам, ждал целых полгода. Я громкую музыку не любила, оттого совсем сдулась.

Стас поглядывал на меня с виноватым видом, Ден подливал безалкогольного вина, которое заказал специально для меня. Приходилось потихоньку выливать его в рядом стоящую кадку с искусственной пальмой. Не говорить же ему, что я давно знаю их с родителями секрет.

От скуки я принялась вертеть головой по сторонам. Не то чтобы я ожидала увидеть там что-то интересное, скорее, кого-то знакомого, чтобы под благовидным предлогом смыться. Пара ничего не значащих фраз о погоде – и я тихо прокрадываюсь за верхней одеждой, после чего быстро прыгаю в такси. Пока меня хватают, я буду уже дома «под лаской плюшевого пледа». Заметив мои терзания, Ден подсел поближе.

– Чего такая кислая? Дуешься, что я не позвал сегодня с нами? Если честно, я думал, что тебе со Стасом видется неохота. Как вчера. На самом деле, я собирался пообщаться с нужными людьми в непринужденной обстановке и...

– Брось, ты же знаешь, я не любитель клубов. Просто не хотелось бросать Жанну одну. Или самой не хотелось оставаться одной. Даже не знаю, чего больше.

– Тогда что не так с настроением?

Я усмехнулась и обрадовала братца:

– Настроение: красиво войти в чью-нибудь грешную жизнь. Пойду искать жертву. Или хотя бы схожу в туалет.

Не дожидаясь ответа, я быстро подхватила сумочку и устремилась в другой конец зала, придумывая причину, по которой мне срочно нужно домой. Пока я выбирала между «разболелась голова» и «забыла выключить утюг», кто-то похлопал меня по плечу.

Обернувшись, я смогла лицезреть своего несостоявшегося муженька. Синичкин собственной персоной стоял и скалил зубы, при этом взглядом успел просканировать мои сережки с бриллиантами, алчным блеском отразившиеся в его зрачках.

Выглядел он, кстати, отлично: дорогой костюм, приятный парфюм, легкая небритость. По слухам, сейчас он обретался где-то в столице: то ли снимался в кино, то ли клеил богатеньких дамочек. Второе, кстати, казалось мне более правдоподобным.

– Ба, какие люди! – не сдержалась я при виде явившегося мне великолепия. – Что ты забыл в нашем убогом городке? погоди, дай угадаю: здесь снимают голливудскую комедию, Ди Каприо в последний момент сломал ногу, и позвали тебя?

– Тинка, – засмеялся он, довольно потирая руки, – как же я рад тебя видеть. Ты все так же хороша и все так же остра на язык. Очень жаждал пересечься с тобой. Хотя встретиться в клубе, признаться, не надеялся.

– Почему же? Неужто думал, что я до сих пор оплакиваю наше расставание и сижу затворницей в темнице?

– Нет, просто, помнится, ты не любила шумные мероприятия...

– Удивлена... Ты помнишь что я любила, а что нет? – оборвала я его, потому как трепаться мне надоело, а смыться захотелось еще быстрее. Сегодня определенно не мой день.

– Брось, ты же знаешь, что я тебя любил. И вся эта история... Сколько лет прошло, а я помню. Твоя семья просто не хотела, чтобы мы поженились, вот и...

– Вот и заставила тебя спать с другими бабами, мечтая о наследстве моего отца? – парировала я, приподняв бровь.

– Да, я сгруппил. И от денег бы не отказался, но кто ж от них откажется? Только дурак. Это не говорит о том, что у меня не было к тебе чувств...

В воздухе запахло смесью похоти и сожаления. Из любопытства я заглянула в глаза Синичкина и еще раз убедилась в том, что он блестящий и недооцененный актер. В очах его плескалась безграничная любовь, граничащая с безрассудной преданностью. Словом, коктейль был такой забористый, что дамочка поглупее меня мгновенно бы приклонила голову на его широкое плечо. Я же только фыркнула в ответ, покачав головой:

– Паша, если ты и любил кого-то, то только себя. Хотя мне все это уже по барабану. Честно. Ты же знаешь, как это бывает: сердце красавицы склонно к измене и к перемене... Дальше сам, ок? Я опаздываю на встречу. А если тебя увидит здесь мой брат, боюсь, вечер для тебя перестанет быть томным.

Я развернулась, намереваясь уйти, но Синичкин сделал попытку остановить меня, положив руку на плечо. Я хотела сбросить ее, вильнув вправо, и задела рукой барную стойку. В попытке не сбить стоявший там бокал, я отклонилась влево, закачавшись на каблуках, и в очередной раз прокляла в душе сие изобретение. В тот момент, когда я поняла, что падения не избежать, меня кто-то подхватил сзади.

У Синичкина в эту секунду зазвонил телефон. Глянув на экран, он нахмурился и разом забыл обо мне. К счастью, конечно. Но такое форменное неуважение было ему несвойственно. Я ожидала, что он, по обыкновению, будет ужом вокруг виться, не давая пройти и рассказывая о былой любви. Как-то раз мы с ним уже случайно пересекались в общей компании, в день встречи однокурсников, и мне пришлось уехать раньше времени.

Задумавшись на предмет Синичкина, я совсем позабыла, что кто-то держит меня сзади. Опомнившись, нащупала ногами пол и только потом повернулась, чтобы поблагодарить человека за проявленную бдительность. Увидев своего спасателя, я малость скисла: ни тебе красивого накачанного блондина, ни плечистого смуглого мачо с улыбкой кинозвезды.

Высокий худощавый тип, темноволосый и со шрамом через всю бровь, привалившись к стойке бара, взирал не меня неодобрительно.

– Аккуратнее. С тебя виски. Чуть стакан мой не снесла. И мобилу бы свою грохнула. Дорогая, наверное?

– Вообще-то, да. И спасибо, – буркнула я, залезая на стул. – Хотя ты и хам. Поддержать даму в унынии – первейшая задача любого джентльмена. И виски вон почти весь цел.

– Оно, конечно, так, – кивнул мой собеседник, отхлебывая из своего стакана, – но я же хам. А хамам многое можно. Знакомиться с красивыми девчонками, к примеру. Кстати, удачно ты упала, я как раз скучал, так что...

– Это можно считать комплиментом? Ладно, заказывай свой виски, и я пошла, – вздохнула я, доставая кредитку. Усталость давала о себе знать, а денек и без того вышел насыщенный событиями.

– Паршивый вечер? – с пониманием закивал он. – Да ладно, насчет виски я пошутил. Сам могу за себя заплатить. В отличие, кстати, от красавчика, с которым ты болтала. Вот уж у кого физиономия жиголо... Как ты могла на такого клюнуть?

Мне стало стыдно. Этот тип явно слышал наш разговор с Синичкиным.

– Похоже, ты забываешься. С какой стати мне обсуждать с тобой свою личную жизнь? Ты вообще кто такой? – Я все порывалась уйти, но он долго изучал меня, поданное заботливой официанткой по взмаху руки. И воспитание не позволяло вот так вот прервать беседу.

– Я санитар. Зовут Максим. Но это имя я терпеть не могу, так что называй меня просто Макс.

– А ты парень с изюминкой, – присвистнула я, возвращая свой зад назад на барное кресло. – Но на санитару, уж извини, ты похож, как я на сантехника.

– Кстати, таких сексуальных сантехников-девушек очень не хватает в фильмах, которые я люблю. Сплошь мужики. А насчет санитары... Они разные бывают, – Макс пожал плечами и все-таки заказал у бармена выпивку.

– Все ясно, ты санитар, любитель порнухи и алкаш, – резюмировала я и тоже заказала выпить. Правда, выбор свой остановила на кофе.

– Бинго! Первый раз вижу такую сообразительную девчонку. Может, подружиться? Тем более с жиголо-то ты явно разругалась, так что...

– И не мечтай, – хмыкнула я, поглядывая по сторонам. – Здесь мой старший брат, и он будет не в восторге от того, что я связалась с санитаром. По мнению семьи, я наследная принцесса, которая должна сидеть в розовом саду фей и нюхать цветы, подаренные принцем.

– Какие цветы предпочитает принцесса? – Макс привстал с барного стула и склонился передо мной в импровизированном поклоне, а я отмахнулась.

– Принцесса любит кактусы. И вообще, тебе ничего не светит. Хотя девчонки обычно любят таких наглецов, так что сегодня удача тебя явно улыбнется. Официантка с тебя глаз не сводит.

– Ладно, я понял, что мне не обломится, но мы можем быть друзьями. К примеру, выпить вместе – отличная идея, как считаешь? Ты не в духе, у меня денек не задался – не вижу повода не выпить.

– Не знаю, что на меня нашло, но твоя взяла, – проворчала я, и кивком указала ему на свободный столик в углу. На самом деле я не хотела оставаться одна, а может, мне элементарно хотелось поболтать. Как известно, случайный попутчик, как и случайный знакомый, – лучшие свободные уши в мире.

Пока мы перемещались, я сумела разглядеть своего нового приятеля получше. И отметила, что выглядит он неплохо: под неброским джемпером, который стоил очень и очень прилично, перекачивались мышцы, наводившие на мысли об упорных тренировках. Дорогие, но не вычурные часы, ботинки итальянского происхождения.

«Однако санитары нынче хорошо зарабатывают...»

О глубоких размышлениях я сообщила своему визави, на что получила незамысловатый ответ:

– Хочешь жить – умей крутиться.

Кофе был забыт, и мы предались алкогольным возлияниям. Мой новый друг оказался разговорчивым парнем, и я не отставала, умудрившись в какие-то полчаса рассказать ему историю своей жизни.

На сцену, наконец, взобрался модный диджей, ради которого все и собрались. Стало шумно, так что мне пришлось придвинуться к Максиму поближе, коль уж в голову втемяшилась забава поболтать. От него пахло какой-то умопомрачительной свободой и дальними странами, а еще вблизи я рассмотрела его длинные ресницы и ямочку на подбородке, так что понемногу стала понимать, почему на него так пялятся проходящие мимо девицы.

– Слушай, да ты, оказывается, красавчик, – констатировала я, потягивая коктейль. – А сразу и не скажешь. Такое ощущение, что ты стремишься быть как можно более незаметным. Юношеские комплексы?

– Я гомофоб, а сейчас развелось столько педиков, что поневоле начинаешь прятать красоту, чтобы тебя не клеили, – с серьезным видом выдал Макс, приблизив ко мне лицо. – Шутка. А если серьезно, то считаю, что красота – в глазах смотрящего. Если тебе кажется, что я стал красавчиком...

– Поняла, можешь не продолжать. Я влюбилась в тебя с первого взгляда и буду орошать слезами подушку до конца дней своих, потому что ты никогда не снизойдешь до меня с вершины твоего великолепия.

– Зря ты так. Я же говорю, ты красотка. Знаешь, из таких... у которых Шанель не снаружи, а внутри. Ну, ты поняла...

– Как тонко, – всплеснула я руками, – у вас все санитары такие романтики?

– Да, я вообще тонкий. Скоро узнаешь.

Это звучало, как предложение на продолжение знакомства, на что я не рассчитывала. Оттого решила поумерить свой пыл и принялась высматривать братца и свою подружку. Тут как раз вся честная компания и появилась: Стас, мило улыбаясь, вел под руку хихикающую рыжую, а у братца на локте повисла изрядно выпившая Жанка. Увидев меня, она оторвалась от Дениса и, пошатнувшись, упала в мои распахнутые объятия.

– Тинка-паутинка, – пропела она, хватая со стола мой коктейль. – Я впервые в жизни так напилась. А ты ангел. И как только ты меня терпишь?

– Полегче, Жанка. Что-то ты сегодня не в ударе, – похлопала я ее по плечу. – Денис тебя проводит, все хорошо.

– Прости, я Иуда, недостойна твоей дружбы, но ты же простишь? И зачем я вообще все это затеяла, – всхлипнула Жанка, утыкаясь мне в плечо. Такая внезапная смена настроения меня не удивила: доводилось видеть подружку и в более разобранном состоянии. Хотя с алко-голем она обычно аккуратна, но выпив бокал-другой может поплакаться на тяжелую женскую долю.

– Я отпускаю тебе все грехи, дочь моя, – вздохнула я, отметив, что в продолжение наших дружеских объятий Максим с любопытством разглядывал всю компанию. Взгляд его задержался на рыжей, и на секунду в его глазах мелькнул странный огонек.

«Тоже мне, самец», – мысленно проворчала я, продолжая похлопывать по плечу подружку. Я предложила ей остаться с нами, но она только покачала головой. В тот момент, когда мне показалось, что Жанка стала засыпать, Денис наконец проявил человеколюбие и взвалил ее себе на плечо.

– Приятного вечера, – кивнул он Макс, при этом в его глазах читался прямой вопрос: «Кого моя непутевая сестрица успела подцепить на этот раз?» Стас тоже поглядывал на меня без удовольствия, но сегодня их мнение было мне до голубой звезды, поэтому я только сделала им ручкой. А Макс насмешливо кивнул, наблюдая за мной исподлобья.

– Да уж, твоя сексапильная подружка набралась. Статный брюнет – это братец, а загорелый плечистый красавчик – твоя большая любовная любовь по имени Стас? Кстати, что это за рыжая bestия висла на нем? Я думал, ты сейчас ей навалиешь...

– Хватит скалить зубы. Я думала, мы с тобой друзья и все такое. Между прочим, сам предложил. Я открыла тебе душу, а ты натоптал там своими грязными сапожищами.

– В знак извинения я закажу тебе еще выпить, – покаянно склонил голову Макс, а я, чуть подумав, кивнула.

– Валяй, хуже уже не будет. Только если я уйду в астрал, как Жанка, обещаю взвалить тебя на плечо и загрузить в такси. Адрес я напишу на салфетке.

Дальше события развивались как в плохой черной комедии. Мы много пили, много смеялись, кажется, я даже что-то танцевала и показывала пантомимы, демонстрируя умения, полученные за время обучения в театральном. Один клуб мы сменили на другой, там безудержное веселье продолжилось в атмосфере полного взаимопонимания. Кажется, так много я не болтала еще никогда. Потом следовал временный пробел, после которого я смутно припомнила недовольное лицо таксиста и его слова:

– И не вздумайте загадить мне обивку, я только салон перетянул.

Глава 4. Новый знакомый

Еще не раскрыв глаза, я стала принохиваться. Аромат свежесваренного кофе подействовал на меня странным образом: подорвавшись, я со всех ног кинулась в ванную и припала к унитазу. Пока я пыталась избавиться от последствий вчерашнего загула, мысли стали понемногу проясняться. По крайней мере, вспомнила, как меня зовут, а еще поняла, что нахожусь у себя в квартире. Логично, раз унитаз мой, родимый.

Опустив глаза вниз, я отметила, что на мне надета любимая пижама и белые носочки, что уже вовсе никуда не годилось: девицам после обильных алкогольных возлияний надлежит падать кулем на постель и окрашивать подушку в радикальный черный цвет сползающей с лица туши.

Глянув в зеркало, я машинально откинула волосы назад и убедилась, что на лице нет следов косметики. В целом, выглядела я неплохо, хотя и была слегка помятой. Пустив воду и начав чистить зубы, чтобы избавиться от гадкого привкуса алкоголя во рту, я стала восстанавливать события прошедшей ночи. Получалось скверно, и это занятия я оставила, пробормотав:

– Все проходит, главное, чтобы ничего не застряло.

Тут за дверью послышался какой-то грохот, и я, моментально подобравшись, вспомнила про запах кофе. Сложив воедино эти факты, я пришла к несложному умозаключению: в квартире кто-то есть. Домработница была вчера, сегодня никого не ждали. Наверное, Ден приехал спасать сестрицу с похмелья? А что, если я напилась и позвонила Стасу? Такое вполне возможно. Проклятье!.. Или это мой вчерашний знакомый?

Зажмурившись, я приоткрыла дверь и аккуратно выглянула вниз со второго этажа. На моей кухне, напевая и что-то помешивая лопаточкой в сковородке, хозяйничал Макс: босой, в джинсах и переднике на голое тело. Картина впечатляющая, но в тот момент мне было не до разглядывания чужих торсов. Пусть и мускулистых. Со стоном я спустилась с лестницы, приземлилась на стул, сразу же получив чашку кофе и стакан воды с шипящим аспирином.

– Нашел в твоём шкафу аптечку. – Макс снова повернулся к плите и сковородке. – Не хотелось бы показаться банальным, но как самочувствие?

Я осушила стакан, глотнула кофе и только потом смогла ответить:

– Мне кажется, в твоём вопросе содержится издевка. Как ты сюда попал, я не спрашиваю, а вот почему остался – занятно. Обычно парни вроде тебя спешат сбежать от дамы сердца, едва забрезжит рассвет. А то свадьба, дети, все дела...

– Дорогая, наши отношения еще не столь интимны. Если ты намекаешь на мою непорядочность, то скажу прямо: ситуацией я не воспользовался, хотя, признаться, соблазн был велик. Ты так сладко сопела в подушку.

– Да ну? – усмехнулась я, приглядываясь к его довольной физиономии.

– Твое недоверие больно ранит. Ходил за тобой, как отец родной: пижаму надел, умыл, в кроватку уложил. Ты, между прочим, тоже вела себя исключительно интеллигентно. Если бы не песня «А сечку жрите сами, мусора», которую ты выкрикивала из такси, я бы вообще подумал, что ты профессорская дочка.

– Ох, ты ж... – пробормотала я, закрывая лицо руками, – неужели все так плохо? Думаю, мне надо сматываться из города. Я пошла по наклонной: сомнительные знакомства, алкоголизм, буйное поведение и провалы в памяти.

– Не переживай, я тебя не выдам. У каждой пьяной девушки есть две крайности: кандидат наук и сексуальная кошечка. Вчера ты продемонстрировала обе свои стороны: сначала закидала меня своими экономическими терминами, а потом...

– А про потом я предпочла бы не слышать, – перебила я его, нащупала на стуле под собой пульт и демонстративно включила телевизор.

Завтракали мы в молчании, после чего Макс вымыл посуду и, одевшись, вызвал такси.

– Отдыхай, принцесса. Вижу, сегодня ты не в духе, так что телефончик просить не стану. Думаю, сама меня найдешь.

Чувствовала я себя прескверно, оттого препираться с ним желания не возникло:

– Конечно, найду. Никто не моет посуду так чисто, как ты.

Когда мой новый товарищ направился в прихожую, я заметила, что он сильно хромает на левую ногу. Странно, вчера я этого не заметила, хотя вчера я вообще мало что замечала. На пороге Макс задержался и, глянув на меня насмешливо, козырнул рукой:

– Все, уйду. Но, в отличие от твоей девственности, я еще вернусь.

– Пошел ты! Но все равно спасибо, что довез и все такое... – крикнула я ему вслед, удобно устраиваясь на диване.

Хлопнула дверь, с улицы послышался звук подъезжающей машины, а я улеглась на диван, натянула плед по самые уши и попыталась погрузиться в спасительный сон. Но, видимо, в тот день мне не суждено было отдохнуть ни душой, ни телом.

Сначала я снова захотела пить. Потом вспомнила про документы, которые собиралась изучить в выходные, и полезла за ними в шкафчик на кухне. И тут меня осенило: я же брала папку с собой в сумку, собираясь в город. Надеюсь, что найдется минутка в кафе или куда там меня могло занести.

Не будучи уверенной, что найду достойную компанию, я планировала спастись от скуки чтением бумажек. С внезапной ясностью я увидела себя на диванчике у Жанны. Она пошла в душ, начав собираться в клуб, а я устроилась с чашкой чая и документами у нее на кухне. Конечно же, оставила я их там же, на диванчике. Как и свои вчерашние покупки.

– Как же башка трещит... – пробормотала я, параллельно набрав номер Жанны. Конечно, будить подружку после такой гулянки было свинством, но мне позарез нужно было успеть до завтра изучить договор.

Жанна не отвечала, что было неудивительно. Памятуя о ее состоянии, я решила не звонить понапрасну.

– Придется ехать, – вздохнув, я пошла одеваться, но предварительно выпила еще одну таблетку от головной боли и вызвала такси. Садиться за руль в таком состоянии не рискнула.

Домофон у Жанки тоже не отвечал, но в подъезд я попала без особых трудностей. В выходной день дверь без остановки гуляла туда-сюда: дети с собаками, пенсионеры с мусором, взрослые с колясками. Все куда-то спешили, и я даже позавидовала чужой, наполненной смыслом жизни. А я сейчас уткнусь в бумажки, сделаю вид, что от меня что-то зависит, чтобы в очередной раз не думать о бренности своего бытия.

В подъезде дома пахло выходными и картофельным супом с разварившимися макаронами. Этот запах ассоциировался у меня с детским садом и почему-то с Родиной.

Возле квартиры Жанны я притормозила. Меня ожидал сюрприз: на железной двери рядом с номером чем-то красным была написана фраза: «Сдохни, шалава!» Сначала я подумала, что это помада, и даже попробовала потереть букву пальцем. Оказалось, что это краска, причем уже почти засохшая.

«Чудеса, да и только. Вчера никаких надписей на двери не было. Неужели Жанна так достала соседей, что они решились на подобный экспромт?»

Помнится, она упоминала какую-то бабульку – соседку с нижнего этажа. Та вечно жаловалась на звуки, доносившиеся из квартиры Жанны. Может, подружка вчера буянила, и старушечка пошла в наступление?

Позвонив в дверь несколько раз, я порадовалась своей сообразительности. Захватить запасные ключи, которые Жанка хранила у меня, было отличной идеей.

Я открыла дверь и удивилась звенящей тишине, царившей в квартире. В нос ударил сладкий пудровый аромат туалетной воды, которой пользовалась подружка. Казалось, он насквозь пропитал стены ее уютной двушки.

С чего я решила, что она дома? Может, отправилась ночевать к очередному ухажеру? Хотя вчера она уезжала из клуба в таком состоянии, что данная гипотеза не выдерживала никакой критики.

Я прошла сначала в зал, потом в спальню, но кровать была пуста. Одеяло и подушки смяты, значит, Жанна ночевала дома. Вчера, когда мы уходили, все было убрано. Неужели свалила куда-то с утра пораньше?

Обследовав кухню, я не нашла своих документов. Возможно, Жанна убрала их куда-то? Но лазить по шкафам в отсутствие хозяйки было как-то не тактично. Зато около балконной двери валялась разбитая бутылка коньяка, содержимое которой разлилось янтарным озером на полу. Коньяк Жанка терпеть не могла, пила его только в редких случаях, если надо было составить компанию мужчине. А вот стаканов в мойке нет.

Я снова вернулась в зал и машинально подошла к столику, который подруга именовала компьютерным. Так и есть: папка валялась сбоку, а документы лежали в принтере, но копий видно не было. Это неприятно удивило: зачем Жанне понадобились копии моих бумаг? Сунув проект договора и другие бумаги в сумку, я еще раз огляделась и поспешила на выход.

Вновь увидев грозную надпись, я покачала головой. Возле входной двери у Жанки висело зеркало с полочкой. На ней валялась косметичка с ватными дисками. Жидкость для снятия лака я обнаружила там же. Повозившись пару минут, я привела дверь в относительный порядок и усмехнулась, решив выставить Жанке счет за уборку.

Выпитая с утра вода просилась наружу, да и руки не худо было бы вымыть. Напоследок я решила зайти в уборную. В холостяцкой квартире туалет находился в ванной комнате, совмещенный санузел. Я потянулась включить свет, и только тогда заметила, что он там уже горит. В воздухе почему-то запахло ужасом. Что-то, похожее на нехорошие предчувствия, шевельнулось в моей душе. Но я решительно шагнула в ванную, запретив себе слушать всякие там голоса в голове и нюхать воздух.

Первым, что бросилось в глаза, была какая-то неестественно белая, словно фарфоровая, рука...

Глава 5. Что случилось с Жанной?

Сидя на площадке, прямо на ступеньках, я чувствовала себя маленькой девочкой, которая столкнулась со взрослой проблемой, и не знает, что делать. Соседка Жанны не очень настойчиво предложила зайти к ним, но я помотала головой.

Нащупала мобильный в кармане и бестолково звонила всем подряд. Спустя десять минут примчался запыхавшийся Ден, почти одновременно с полицией и скорой помощью. Мимо меня, сидевшей на ступенях, пронеслись поочередно человека три-четыре. Врач с чемоданчиком показался смутно знакомым, через пелену слез я не смогла рассмотреть его получше.

Через пару минут один из зашедших в квартиру вышел к нам с Деном. Несколько раз я принималась рассказывать мужчине в форме, как нашла Жанну, сбивалась, начинала плакать, снова пыталась рассказать все по порядку. Кто-то из соседей, коих к тому времени на лестнице было уже человек шесть, вспомнил, что нужно позвонить матери погибшей. Номера у меня не было. Я схватила у Дена сигареты и выбежала на улицу, радуясь возможности самоустраниться из этого ужаса под предлогом дурной привычки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.